

Цикл «Небесная музыка»

Небесная музыка. Луна
Небесная музыка. Солнце

Цикл «Музыкальный приворот»

Музыкальный приворот
По ту сторону отражения
На волнах оригами
На крыльях

Цикл «Мой идеальный смерч»

Мой идеальный смерч
Игра с огнем
За руку с ветром

Цикл «Северная корона»

По звездам
Против ветра

Цикл «Мы — искры»

Белые искры снега
Красные искры света
Волшебные искры солнца

Цикл «Сны и страх»

Кошмарных снов, любимая
Твой страх самый сладкий

*Насте и Марине, которые помогли
сделать эту книгу лучше*

Что это?

Это не может быть шуткой?

Или это сон? Я сплю? Снится кошмар?

Нет, ногти с положенной для реальности болью впиваются в ладони — значит, я не в объятиях Морфея. Я нахожусь в реальной комнате, принадлежащей реальному человеку. Только вот какому человеку? И реальному ли... для меня?

Неужели?.. Он — это и есть?.. Он — это... Он...

Я хотела ответить на этот вопрос, по-настоящему хотела, но не могла поверить в ответ, который срывался с моих полуоткрытых губ, вдруг ставших холодными, как лед Антарктиды.

События, происходящие со мной в последнее время, превратившись в гигантских полупрозрачных птиц с кривыми когтями и загнутыми клювами, кружили вокруг, касаясь мощными и невесомыми одновременно крыльями моих щек, лба, рук — и от этого по коже, сливаясь с мурашками, бежали искры холода, недоумения, страха и... ненависти.

Он просто тварь. Тварь, подонок, дрянь...

Но это не может быть действительностью! Мало ли таких украшений продается? А то, что эти парни похожи — это ведь... это ведь тоже можно объяснить? Или нет?

Нет.

Животное, сволочь, ублюдок... Возомнил себя мастером игр с людьми, скот?

Что-то темное, бескрайнее и тяжелое просыпалось во мне, и я понимала, что могу управлять этой злостью, но не

Музыкальный прибор

хочу. Я не хочу, чтобы это гадкое, черное по цвету ощущение оставалось во мне, отравляя душу так же, как гематический яд травит и загрязняет кровь. Пусть оно выйдет наружу и перестанет распирает меня изнутри своей страшной силой.

В светло-васильковом бескрайнем небе, раздвигая испуганные белоснежные облачка, появилась огромная мутно-серая туча, отливающая то сталью, то свинцом. Мое небо темнело и все вокруг темнело вместе с ним — даже контуры в полутемной комнате стали размываться, а реальность переставала мною четко осознаваться — над ней колдовали все те же захлебнувшиеся в своем злобном торжестве птицы.

Мразь, мразь...

«Если ты чувствуешь, что реальность никак не входит в твою голову как единое целое, представь, что ты находишься не в своем теле, а зришь на все происходящее сверху, как будто ты на несколько минут покинула его. Посмотри сверху на себя и на то, что окружает тебя. Оглядишься внимательно, перемести взгляд. Ты почувствуешь себя спокойнее и, вероятно, сможешь найти решение той проблемы, что не дает тебе покоя». Так сказал мне однажды Томас. Это было давно, но, казалось, эти его слова прозвучали только что, над самым ухом. Тогда, когда я впервые услышала этот совет, мне тоже было плохо — все несчастья мира, так тогда казалось мне, шестнадцатилетней, навалилось на мои плечи, как огромный снежный ком. И тогда, как и сейчас, я ощущала себя обманутой и преданной теми, кто занимал в моем небольшом сердце важные места. Раньше я не вспоминала этих слов, но сейчас, когда я не знала, что думать и что делать, они вновь всплыли в памяти.

Ублюдок...

Я, пытаясь унять бешеный стук растревоженного, словно пчелиный улей, сердца, прикрыла глаза. Последую совету отца, все равно я сейчас не знаю, что делать.

А смотреть сверху было действительно легче, чем пытаться оценить проблему своими глазами. Посредине размытой серой комнаты виднелись очертания женской фигуры, нерешительно застывшей, словно статуя средней руки мастера, мечтающего стать именитым скульптором. Широко раскрытые темные глаза, забывающие моргать и всматривающиеся в жутко интересную точку на двери, приоткрытые губы, не

хватаяющие воздух и не дрожащие — окаменевшие, бессильные пальцы слабых рук, так и не сумевшие взять голубой кулон с пола, странная гримаса удивления смешанного с непониманием и обидой на бледном лице.

Ну и что же случилось с этой девушкой, вокруг которой тускло сияют меланхолично-голубая Грусть и светло-серое Разочарование, взявшиеся за руки, как лучшие друзья? Что же произошло с той, под ногами которой валяется, беспомощно раскинув тонкие девичьи руки, мертвая Надежда, постепенно превращающаяся в бесформенную пустоту, словно подтверждая слова Леонардо да Винчи: «Там, где умирает надежда, там возникает пустота»? Что приключилось с той, над чьей головой вьется в пепельно-стальной дымке безграничное Удивление, уже готовое вот-вот уступить место пурпурной Ярости, злорадно потирающей руки в сторонке — ей очень хочется управлять разумом девушки, и она ждет подходящего случая, чтобы занять ее обездвиженное накалом эмоций тело.

Комната то медленно, то быстро вертелась вокруг темно-волосой, касаясь своими контурами ее тела, и в ней, в этой нелепой статуе, я с большим трудом узнала себя.

Моя голова тоже кружилась, вслед за бесконечным движением комнаты, в котором теперь как украшения-портреты мелькали лица столь похожие и одновременно столь разные. Два таких разных блондина, которым принадлежит один кулон с топазом, смотрели на меня со всех сторон. Один — мягко. Второй — надменно.

Какая же глупая Катя.

Я закрыла лицо руками, и все остановилось. Встало на свои места и неприветливо замерло.

Антон и Кей — одно и то же лицо? Нежный, заботливый Антон, косвенный виновник того, что я вновь знакома с ласковыми крылышками бабочек, и проклятый эгоист, которого давно уже ждет собственный котел в аду за высокомерие и дерзость?

Значит, ты — один человек? Ты решил поиграть со мной в понятную только тебе одному игру?

Я яростно сжала кулаки — это стало моим первым движением — чувствуя, как ногти все сильнее и сильнее впиваются в ладони.

Его нужно убить. Зарезать, утопить, повесить, линчевать!

Мерзавец. Его определенно будут с особым нетерпением ждать в аду. Или уже ожидают. Даже не знаю, в каком только круге: в девятом или десятом? В девятом обитают обманувшие недоверившихся, в том числе и лицемеры — такие как он, Кей-Антон. А в десятом мучаются обманувшие доверившихся, те же предатели — и это самый близкий круг к Люциферу. Но предал ли меня Антон... Кей?

Да, предал! Поразвлекался.

Если это правда, то они все над тобой смеялись — Антон-Кей, Келла, Арин, проклятая Алина и все их дружки. Все они знали, и только ты одна... Ты была не в курсе.

Да, только я одна не знала ничего. Наивно предполагала, что нравлюсь одному... или даже двоим парням. Святая простота Катрина. А нет ли среди святых и мучеников святой Катрины?

Не знаю.

Я резко открыла глаза, чувствуя, как злость переполняет меня — огромная туча наливалась чернотой, заполняя все пространство неба, опровергая утверждение, что небеса — штука бескрайняя. Перед глазами замелькали обрывки полупрозрачного тумана. Что это со мной?

«Я его убью, я его убью, я его убью» — вот что пульсировало у меня в голове. Потом вместо этой незамысловатой фразы появилась другая: «За что? Что я ему сделала? Почему я?»

Меня разом лишили мечты найти того единственного, о котором мечтает каждая из девушек в юном и не очень юном возрасте. Взяли и неожиданно отняли возможности быть немного счастливой. Грубо, жестоко, с противной саркастической улыбочкой на смазливом лице, на которое клевало множество рыбок-девушек, мечтающих о нем, таком прекрасном принце. И я мечтала. И кто меня осудит за то, что я хотела любви?

Скажи еще — пусть первым бросит в меня камень тот, кто никогда не хотел тепла, ласки и нежности. Иди, найди Кея, устрой ему... Убей его! Ведь мне так больно.

Я знаю.

Когда-то давно, много лет назад я услышала красивую и грустную китайскую легенду о Красной Нити Судьбы, которая гласит, что у каждого есть своя вторая половинка. С ней мы связаны невидимой красной нитью. Нить эта находится на щиколотке, хотя японцы говорят, что на мизинце. Если однажды эти половинки встретятся — они никогда не смогут больше расстаться, и преграды перед ними падут. Те, кого соединила Красная Нить — уже не смогут друг без друга, потому что вместе они единое целое. Я поверила в эту легенду и со всей нежностью, на которую была только способна, ждала того, кто соединен этой Нитью только со мной.

Глупая Катя, бессмысленная нитка, идиотская легенда.

— Почему я? Скажи мне? Я обидела тебя? — прошептала я.

Антон, ну как ты мог? Я верила тебе, ты был такой... такой мягкий и милый, понимающий и надежный. Получается, тебя и нет вовсе?

Кей, я не знаю твоего настоящего имени, но хочу сказать тебе, что ты просто свинья. Думаешь, я — забитое существо, потерявшееся в тени своей великолепной подружки? Или глупая и наивная дура, которую можно дергать за веревочки?

Вот так вместо красивой красной нити судьбы на мизинце я нашла марионеточные нити, опутавшие меня тонкими змейками. Что же, такова жизнь.

Головокружение оставило меня, оцепенение прошло так же неожиданно, как и набросилось. И я сделала первый шаг. Нет, не к двери — к его кровати. Руки стали тяжелыми — так сильно захотелось мне этими руками порвать, ударить, разрушить хоть что-то.

Дальнейшее происходило в тумане, и я плохо понимала, что творю, а останавливаться мне совсем не хотелось.

Я перевернула стул. Разодрала надвое журнал. Сломала ручки и карандаш. Схватила блокнот и, удивляясь, что мои руки все же такие сильные, принялась рвать его на мелкие кусочки с небывалой легкостью — даже его твердую обложку. Полминуты — и пол был усеян бумагой, которая совсем недавно хранила в себе поэтические изыскания и глубокие лирические переживания подлеца Кея.

Потом пострадала кровать. Я со всей силы колотила упругие подушки, даже кусала их, бросала их на пол, молниеносно выдернула покрывало, простынь — и все это полетело вслед за

подушками на пол, и я топтала, топтала их, пытаясь порвать нежную ткань. Но это вандализм у меня получалось плохо, слишком уж прочным был этот мягкий с виду материал. Поэтому я бросила это дело. Зато мой дикий взгляд переместился на небольшую декоративную вазу, и она тут же полетела на пол, но не разбилась, что дико разозлило меня. Кинув ее еще раз для порядка, я принялась ломать жесткие стебли странных искусственных цветов, которые поддавались мне на удивление легко — с печальным хрустом они ломались надвое и летели на пол. Я поняла, что они оказались настоящими, но мне было плевать. Я сильно сжала тонкие лепестки последнего цветка, превращая их в смятую цветную бумагу.

— Ненавижу цветы, — вырвался из моего горла тихий злой рык. Ненависть, прочно поселившаяся во мне, не давала адекватно воспринимать действительность.

Я легким движением смахнула висевшую на стене картину в металлической раме, оцарапав при этом ладонь, но совершенно не чувствуя боли.

И увидела пульт. Он возлежал на круглой тумбочке-столике. Я дрожащими руками взяла его и кинула об стенку. В этот момент я уже сама не понимала, что же я такое творю в чужой квартире. Пульт ударился о стену, тихонько запищал, и тут же в противоположной стене сами собой открылись плавающие двери, ведущие в гардеробную.

— А у меня нет такой кучи вещей, мудака, — прошипела я, чувствуя сосущую пустоту в сердце, и мои руки сами по себе стали выбрасывать аккуратно висевшие вещи Антона-Кея, пытались рвать их, сметали с полок все, на что наткнулся мой взгляд. Я скидывала на пол все, даже не разглядывая и не обращая внимания на детали.

Одновременно с дверьми отползли вверх жалюзи, добродушно покачиваясь и обнажая окно, за которым было уже темно. Я схватила тяжелый рюкзак парня и кинула его в окно со всей силы, надеясь, что оно разобьется, но окно выдержало. И только глухой звук, переполненный обидой за то, что его, невинное стекло, пытается разбить какая-то помешанная, говорил о том, что я попыталась сделать.

Я оттерла непонятно откуда выступивший пот на лбу и резко дернула ручку окна на себя, рывком открывая его и вдыхая до боли в легких свежий воздух. Как я не выпрыг-

нула оттуда — ума не приложу. Наверное, инстинкт самосохранения, самый древний из всех, пустил в мои гены крепкие корни. Зато я увидела случайно ту самую злополучную серебряную цепочку с камнем, по которой опознала в Тропинине уroda Кея, и подобрала ее с пола. Ласково-ласково поглаживая холодный и переливающийся слабыми бликами камень, я прошептала:

— Спасибо за подсказку, мой милый друг. Спасибо за все и прощай. Мне было так хорошо. — Не договорив, я выкинула проклятый голубой камень в темно-синий проем окна с каким-то демоническим смешком.

Если не получается разбить уродские окна — разобью плафоны, которые раньше не попадали в поле моего зрения. Они висят так притягательно близко от моих напряженных рук, утонченные и такие хрупкие.

Ненавижу вас и вашего хозяина-ублюдка!

— Подонок! — не узнала я собственный голос.

С этим мыслями я попыталась сбить светильники руками, чувствуя, как зашкаливают удары сердца. Эффекта не было — один, самый маленький, только немного треснул, а остальные все так же висели. Оглядевшись, я схватила ту самую небьющуюся вазу и ею шарахнула по модным светильникам.

Их звон, напоминающий тонкий стон раненого, обрадовал меня. Падайте, светящиеся твари! Нет больше света! И не надо! Мне ничего не надо.

Осколки безжизненно посыпались на пол. Один плафон причудливой формы, второй, третий, еще один...

И мне было безразлично, что в доме Кей и его омерзительная мать-змея. И что они наверняка слышат то, что я делаю. Если я увижу сейчас эту тетку с низким голосом или ее наглого сыночка, я наброшусь на них обоих. Я убью их. Убью любого, кто окажется у меня на пути. И пусть они молятся Богу, что я сейчас в комнате одна! Не слышат того, что я здесь делаю — им же хорошо, ведь я могу и выйти! Покажу себя во всей красе.

— Твари, — хрипло выдохнула я, кидая так кстати повернувшийся флакон с одеколоном о ту же стену. Комнату тут же заполнил противный терпкий запах.

Я каким-то чудом сорвала с разноуровневого потолка свисающий шар-светильник, и он тоже разлетелся на сот-

ни осколков, лишь едва соприкоснувшись с прохладным полом.

Я тяжело дышала и не могла оставаться на месте, ничего не делая больше двух секунд, хотя времени не замечала.

Хрустальная статуэтка на подоконнике? Лети туда же, вслед за камнем, в окно! Альбом с фотографиями, который вывалился из перевернутого столика-тумбочки и был заботливо мною поднят? Туда же, все туда же! Взвываясь невесть откуда мягкая игрушка в виде розового динозаврика с сердечком в руках? И ты проваливай в темноту!

И ты, Кей, тварь, отправишься туда же...

Как эти падающие фото, которые я даже не успела посмотреть — я просто вытаскивала их из альбома и рвала на две части.

Выйди, найди его, вцепись ему в горло, докажи ему, что ты сильнее его.

Да... Надо... я... Я это сделаю...

Молча, совершенно молча, только лишь крепко сцепив зубы, так, что, казалось, будто они скоро начнут крошиться, я разбивала и кидала все, до чего могли дотянуться мои руки, не ощущая времени и не осознавая, что же я творю, просто отдавая себя во власть цепкому чувству абсолютной ненависти.

А потом всего лишь за одну секунду я пришла в себя. И на меня навалилась такая усталость, что, сделав пару неуверенных шагов, я медленно опустилась на колени посреди-не комнаты.

Оглядывая весь этот разгром, я почти не помнила, сколько времени бесилась. И как я это делала. И почему я это делала — тоже. А что теперь будет, мне было совершенно безразлично. Я негнуцимиися пальцами взяла с пола маленький полупрозрачный матовый шарик, еще недавно украшавший один из плафонов, но он выпал из рук.

Почему я? Ну что я им... ему сделала?

Все равно... просто хочется спать. Нужно всего лишь прикрыть глаза и все.

Если бы какой-нибудь писатель-постмодернист захотел описать мое состояние, используя прием «поток мыслей», то, вероятно, он ограничился бы следующими словами: «Злость, злость, злость, ярость, и снова злость, обида, вспышка нена-

висти, еще злость, и еще, и еще... Ненависть. И все из-за чего? Из-за любви? Злость, ярость, ярость, обида, оскорбление, жестокость... Вспышка новой ярости... Усталость. И никакого удовлетворения».

Его коллега, придерживающийся более традиционных взглядов на литературу, реалист, к примеру, задумчиво вывел бы следующие строки: «Она не знала, что делала, не понимала, к чему приведут все эти ее действия, не контролировала себя, да и не хотела делать этого. Почему же причиной ее внезапной агрессии стали вещи? Может быть, подсознательно она боялась, что он войдет в комнату, и тогда она сможет причинить вред любимому существу?»

Психолог бы внимательно оглядел бы меня и сказал про-сто: «Состояние физиологического аффекта».

Я не помнила, как долго резвилась таким образом. Просто знала, что сижу на полу, на коленях, обхватив голову руками, а правой ногой было как-то дискомфортно и немного мокро, как будто колено я опустила во что-то теплое и вязкое. И повсюду витал запах одеколона с каким-то металлическим знакомым привкусом.

Голова кружилась, сил не было, и не хотелось шевелиться. На меня накатила слабость как после пробега марафонской дистанции. Теперь я понимала Филиппида, того самого, кто пробежал эту дистанцию давным-давно в Древней Греции. Только он преодолел тяжелые километры, чтобы сообщить Афинам о долгожданной победе, а мой марафон закончился бесславно. Я так и не нашла своей второй половинки, в поисках которой все бежала и бежала, даже не осознавая этого.

Слабость накатила новой прохладной волной.

Может быть, я его любила.

Дверь открылась внезапно, так, будто ее ударили ногой, а не открыли рукой, как полагается воспитанным людям, и на пороге появился Антон. Он так и застыл в проеме, сжав одну из рук в кулак и прижав к груди, с немим ужасом взирая на меня и на кошмарный беспорядок, совсем не подходящий его комнате. Вместе с ним в комнату ворвался и свет, яркий и ослепляющий. Парень коснулся выключателя, нерешительно шагнул вперед, раздумав быть второй статуей в этой комнате, но потом вновь остановился. Он ничего не

говорил, но его взгляд был подобен всем тем взглядам, которыми жалостливые личности награждают слабых раненых животных, истекающих кровью, но не смеющих от страха перед людьми не подать ни звука.

Молчание хрусталем, таким новым матовым плафоном, повисло над нами. Общая нерешительность окутала нас сияющей светло-серой сетью. Мне было больно, но на миг я подумала, что и Антон... нет, Кей, тоже чувствует боль.

Я думала, что молчание будет долгим, ведь вид у парня был таким потрясенным, словно здесь сидела не одна я, а пировали два десятка привидений, часть из которых играла в развеселом сводном оркестре «Кладбищенские истории», где я была дирижером.

Я тихо, приглушенно рассмеялась, чувствуя себя актрисой.

— Катя! Катя, ты что? — закричал Антон наконец.

«Катя, ты что!» — передразнивая, пропищал ехидно в моей голове внутренний голос, не желая отпустить руку довольной Ярости.

— Что случилось? Что?!

Вот же орет! Не думала, что у Антона такой громкий голос. Да, он достаточно громкий у Мистера Совершенство по имени Кей.

Кричит... Наверное, ему очень не понравился беспорядок в комнате. Еще бы, я бы тоже не была от такого варварства в восторге.

— Катя! — его чересчур громкий голос эхом отозвался в моей голове. Я поморщилась. — Катя! Катя, ты меня слышишь?

Нет, я оглохла, ослепла и отупела. Козел, какой же ты козел. Придурок. Ненормальный ублюдок. У тебя ведь проблемы с психикой, не так ли? Или ты принадлежишь к некой новой разновидности извращенцев?

Я подняла на блондина все еще злой и уже беспомощный взгляд, но промолчала. У меня почти не было сил, чтобы вставать, так зачем же я буду говорить? Этот мерзавец недостоин, чтобы с ним разговаривали. Едва только я подумала это, как мой рот сам собой открылся, и я едва ли не прорычала:

— Кей... Кей. Ненавижу.

— Что ты сказала? — тихо-тихо, так, что я с трудом слышала, спросил он.

— Ненавижу, — с придыханием сообщила я.

— Что? — парень все еще разглядывал меня. — Что ты говоришь? Катя, ты в порядке?

И он медленно стал подходить ко мне, осторожно, боясь спугнуть.

— Ты — Кей. И ты — последняя мразь, — выдавила я из себя, внимательно следя за его движениями.

— Солнышко, что с тобой? — его глаза расширились. Какой виртуозный актер!

И солнышко твое погасло, чтобы возродиться не ясным и золотистым кругом, а серебряным и мрачным — луной.

— Не смей меня так называть, — прошипела я.

— Катя... — Он вновь замер. — Что ты несешь?

— Что несу? Ты ведь все сам знаешь. А я до последнего надеялась, когда увидела кулон, что вас двое. Двое! — и к своему ужасу, я засмеялась, как последняя истеричка. А я ведь всегда презрительно относилась к ним, а теперь сама нахожусь в истерике и не знаю, что делать.

— Катя, ты о чем? — как-то жалобно и безнадежно спросил этот предатель, понимая, видимо, что его вопрос звучит не просто глупо, а наигранно глупо.

— Ты — это он! — выкрикнула я, сквозь беспричинный смех, некрасивый и совсем не подходящий для девушки. Ну и пусть мой смех не похож на милое щебетание Алины! Я такая, какая есть, и ты этого не исправишь, подлый... подлая тварь. Жаль, что злость пропадает, я бы устроила много чего дельного в этой комнатке богатенького мальчика, решившего развлечься за чужой счет.

— Кто — он? Кто? — все-таки подошел ко мне совсем близко Антон, настороженно глядя то на меня, то на разбитые плафоны. — Что с тобой? Что случилось? Катенька?

— Я не Катенька, — пьяным голосом ответила я.

— Что с тобой? Зачем ты это сделала? — сжал виски ладонями Кей-Антон. В голосе его была если не паника, то растерянность — точно.

— Ты еще... еще будешь спра-спрашивать, что слу-случи... чилось? — Я поняла, что не могу контролировать ни смех, ни

внезапно появившиеся в уголках глаз слезы. — Зачем же ты так? За-зачем ты так со мной? Ведь я... Я... тебя... ты...

И я разрыдалась, закрывая вмиг ослабевшими руками лицо, чтобы он не видел моего искривленного рта и сморщенного лба, и изогнутых страдальческой дугой бровей. Дуга... радуга... Сразу же в мою голову хлынули воспоминания. А он рассказывал мне про радугу... говорил, что нравлюсь, держал за руку, обнимал и целовал. А самое главное — ведь я верила ему.

Иллюзия — вот значит кто ты, Антоша. Ты был моей большой и красивой иллюзией, хрупкой, ненадежной, обаятельной, разбившейся. Ненавижу тебя, Кей...

— Катя, перестань, не надо... — зашептал он, опускаясь рядом со мной.

— Я тебя ненавижу.

— Перестань, — тихо-тихо прошептал он, склонив голову.

— Не-ненавижу тебя, Кей.

— Я не...

— Ты подонок, — устало выдохнула я, понимая, что хочу закрыть глаза и никогда уже их не открывать.

— Но я...

— Заткнись, молчи.

— Я не понимаю, почему ты так решила! — он взял меня за руку, но я вырвала ее и спрятала за спину. Сидеть на коленях стало совсем неудобно — колено покалывало.

— Твой кулон... Ты на-настоящая тварь.

— Какой кулон? — стал озираться парень. — Пожалуйста, успокойся!

— Синий, в нем ты щеголял... Что, смешно тебе было, да? Издеваться над Катей — весьма забавное занятие? — и перестав всхлипывать, я вновь громко расхохоталась.

Истеричка. А он ведь сейчас перед тобой — всади ему куда-нибудь в сонную артерию кусок стекла, что лежит рядом с тобой. Или в глаз.

Не могу... не хочу ничего.

— Я не Кей, Катя, пойми, — пытался что-то сказать Антон, но я не слушала его, только слабо отбивалась от его рук.

— Да послушай же меня! — одним неуловимым движением крепко взял меня за запястья хозяин квартиры. — Катя!

Да перестань же ты повторять мое имя, я и так знаю, как меня зовут.

— Я не Катя, я Валентин Петрович, — стала нести какую-то чушь я. — Твой сосед из пятой квартиры... Точно!

И засмеялась, громко и с душой, вытирая одновременно слезные дорожки, свободно бежавшие по щекам, за что тут же получила хлесткую пощечину, а потом еще одну — по другой щеке. Охота безумно ржать сразу же пропала. Только вот слез стало намного больше. Надо же, второй раз при нашем Крутом Звездном Мальчике рыдаю, что он обо мне подумает?

Ты дура? Ты сама о чем думаешь-то?

— Извини, извини меня за это. Это нужно было, чтобы ты успокоилась, прости, девочка моя, — зашептал блондин, пальцы у него едва заметно дрожали, и он с ненавистью смотрел на свою ладонь. А я хотела одновременно ударить его по лживым губам и обнять. Почему — не знаю.

Как же я раньше не замечала, что это один и тот же человек?

Антон опустил ладонь на пол и почему-то дернулся. Что с ним? Трясучка началась? Током ударило? Бог решил покарать этого морального урода прямо при мне?

Недоуменно поднеся руку к лицу, он заметил немного алой крови посредине ладони. Только не кровь... Ненавижу кровь.

— Стекло? Тут везде стекло. Ты не поранилась? — с искренней заботой спросил парень и тут же поднял меня вверх, с легкостью, как будто я весила килограммов пять, не больше.

— Отпусти меня, — не нашла я ничего лучше, чем вновь слабо ударить его по теплему предплечью.

— Я тебя не... Черт, Катя!! — воскликнул он. — Тебе больно?

— Еще бы. Мое сердце сейчас лопнет. Бойся — забрызгает кровью, — как можно больше яда вложила я в эту фразу. Подействовало — человек, которого я сейчас ненавидела, на миг опустил глаза.

— Тише, не кричи, тебе очень больно?

— Почему больно? Ты пытаешься... — не поняла я, думая, что парень хочет поменять тему, но проследила за его взглядом и увидела, что на том месте, где только что были мои ноги, виднеется небольшая багряная лужица без бликов. Я умудрилась пораниться проклятым стеклом и даже не заметила этого. Третий раз за последнее время я увидела кровь,

только в этот раз уже свою. Меня тут же затошнило, и волнами стала накатывать слабость. Да что же это такое? Почему именно у меня подсознательное отвращение к крови? Господи, как же я сегодня устала...

Я едва не потеряла сознание, и хорошо, что этот идиот-притворщик держал меня, иначе моей спине повезло бы грохнуться на, скажем, осколки.

На какое-то время я почти перестала воспринимать действительность. Такое чувство, что я калека: и физическая, и эмоциональная. То, что Кей взял меня на руки и принес в другую комнату, осторожно уложив на что-то приятное и мягкое и едва касаясь моего лица, убрал пряди разметавшихся волос со лба и щек, я вспомнила много позже.

Если раньше все вокруг кружилось, то теперь оставалось спокойным, только потемнело, погасло и поблекло. Ярость, недовольно уступив место светло-сиреновой Слабости, оставила меня. Кажется, ей было интересно, совсем ли разложилась в пустоту моя Надежда.

Полностью пришла я в себя уже в огромной гостиной, освещенной вполне обычным светом. Я полулежала на диване. Колену что-то мешало. Оказалось — плотная белая повязка.

— Тебе лучше? Тебе надо к врачу? Как ты? Милая, что с тобой? — тут же засыпал меня вопросами Кей-Антон, сидевший на полу около меня, не смеявший взять за руку (его ладонь нервно подрагивала рядом с моим запястьем) и с тревогой глядевший мне в глаза.

Я медленно перевела взгляд на белокурого парня и сглотнула. Он был без своих больших очков, а волосы его были убраны назад и казались совершенно другими. Даже лицо вдруг изменилось. К тому же оно было чуть влажным — как будто бы парень только что умывал его.

Точно, он.

— Кей, ты последняя сволочь на земле, — прошипела я, чувствуя себя уже вполне хорошо — только голова сильно болела и чуть-чуть колено. — За какие грехи я тебя встретила?

Двойник самого себя молча заглянул мне в глаза. А он все равно красивый, даже когда печальный. Я буду ненавидеть красивых светловолосых людей.

— Я не Кей, — каким-то отчаянным жестом закрыл лицо парень.